

Т. В. КУЦ

ИРОНИЯ И ШУТКА В ВИЗАНТИЙСКОМ ЭПИСТОЛЯРИИ

Среди многочисленных достоинств Александра Германовича Герцена хотелось бы отметить одно качество, не связанное напрямую с его научной деятельностью, но относящееся к его человеческой сути – искрометное чувство юмора, которым виртуозно владеет юбиляр. Поэтому позволим себе посвятить А.Г. Герцену небольшую зарисовку о свойствах византийской иронии и шутки.

Культура смеха не была чужда византийскому обществу, но изучением этого «несколько странного феномена человеческой культуры», коим является смех, долгое время в византийской культуре пренебрегали [1, с. 185]. К сожалению, в византийской культуре тема смеха и гротеска пока не получила должного развития. Риторический вопрос, заданный А.П. Кажданом, – «смеялись ли византийцы?» – вновь обратил внимание исследователей к этой сфере человеческих эмоций. Одна из работ Я.Н. Любарского была посвящена иронии Михаила Пселла, автора, который сам себя считал «ироничным человеком» [3, р. 360]. Вооружившись идеями и мыслями, высказанными этими учеными, обратимся к одному из аспектов проблемы смеха в Византии.

Шутка, как, впрочем, и смех, всегда моментальна, сиюминутна, особенно если она прозвучала только устно. Порой лишь письменные свидетельства того, над чем смеялись, о чем иронизировали или шутили византийцы, позволяют понять смысл шутки или оценить степень иронии, прозвучавшей столетия назад. Поэтому в качестве предмета данного эссе мы избрали иронию и шутку, запечатленные в поздневизантийском письме.

Наш выбор пал на корреспонденцию византийского императора Мануила II Палеолога (1391-1425). Нас не должен смущать царственный титул автора строк, поскольку в письмах Мануил II, скорее, выступал как интеллектуал, а не как коронованная особа. Речь пойдет о «философе на троне», которому не чуждо было чувство юмора, понятное и близкое образованному человеку,

входившему в круг его адресатов. Шутка и ирония, звучавшие из уст Мануила II, были рождены представителем византийской интеллектуальности, в силу чего анализ этого информационного пласта эпистолярия позволит сделать выводы об эмоциональном мире, прежде всего, интеллектуальной элиты.

Обращаясь к корреспонденции как особому жанру византийской литературы, не следует забывать о специфике эпистолярных сочинений, в которых присутствуют и трафаретность высказываний, и риторическая напыщенность повествования. Тем не менее, в византийском письме всегда находилось место иронии и шутке, высказанных либо в откровенной, либо в заретушированной риторическим обрамлением форме.

Имеет ли смысл заниматься изучением столь нематериальной сферы, как человеческий юмор? Любые попытки проникнуть по ту сторону шутки могут быть чреваты неправильным истолкованием или даже непониманием иной культуры смеха. Нащупать ироничный тон или обнаружить и оценить шутку, произнесенную много веков тому назад, довольно сложно для современного исследователя. Порой трудно различить, где автор смеется, а где остается серьезным. Ведь, перефразируя Мануила II, только кончиками пальцев мы можем почувствовать вкус византийской шутки [2, 14]. Однако исследователю все же стоит направить свои усилия на толкование смеха, поскольку изучение проблемы смеха, похожего или не похожего на наш собственный, придает эмоциональную остроту восприятию иной эпохи и культуры.

Шутка всегда нацелена на то, чтобы вызвать смех. Смех рождается ситуативно (нелепостью поведения), порой вызывается намеренно (остротой, анекдотом, забавной историей). Но смех смеху рознь. Он может быть откровенным, необузданным или же, наоборот, сдержанным, низведенным до уровня усмешки. Шутка (идущая рука об руку со смехом) точно также может быть примитивной или утонченной, грубой или милой, саркастической или доброжелательной. Конечно, шутка, звучавшая в кругу рафинированного ученого сообщества, отличалась от той, которая вызывала смех в толпе на рыночной площади. Но целью шутки, как и иронии, всегда остается желание изобличить, высмеять или же, наоборот, развеселить, позабавить, вызвать позитивные эмоции. Какую функцию из этого арсенала смеха выбирает человек, многое говорит о нем самом, его среде, но также свидетельствует о смеховых традициях и культуре данного общества.

Безусловно, Мануила II Палеолога можно отнести к той категории людей, кто ценил хорошую шутку, мог сам пошутить и любил посмеяться. Шутка, по мнению этого автора, обладает удивительной силой. Смех и юмор позволяют порой быстрее добиться желаемого результата, ведь «шутя, ты можешь достигнуть своих целей лучше, чем те, кто пытается сделать это всерьез» [2, 2.2-3]. Чувство юмора помогает человеку также справиться с невзгодами, вселяет в него оптимизм, демонстрирует его жизнелюбие. Характеризуя своего друга

Димитрия Хрисолору, Мануил II в письме к нему заметил, что «хотя ты серьезен в своих письмах, ты полон юмора – да и как иначе – и привычно смеешься в лицо трудностям, что, конечно, обнаруживает твою неунывающую душу» [2, 50.34-36].

Юмор, вкрапленный в ткань письма, доставляет удовольствие читателю, действует как живительное средство, способное доставить положительные эмоции или утолить печаль. Мануил II благодарит своего адресата за остроумное письмо, которое смогло отвлечь императора от насущных проблем: «твое письмо было наполнено остроумием и содержало удачные шутки, и, слушая его, мы легко смогли отвернуться от важных забот, которые ставят перед нами нынешнее положение дел, и повеселиться» [2, 2.5-8].

Искрометный юмор или оригинальная шутка придают эпистолярному общению тот уровень эмоциональности, который присущ доверительным отношениям. Мануил II любит, как он сам признается, включать в свои письма «немного юмора», особенно если его корреспондент не обделен этим чувством и любит посмеяться. Он может развеселить друга, «наполняя его обычными шутками» [2, 15.33]. Но юмор автора, который запечатлен в его корреспонденции, весьма разнообразен. В багаже Мануила II есть и милая шутка, и безобидная насмешка, и хлесткая ирония.

Как человек, обладающий чувством юмора, Мануил II не чужд самоиронии. Он не боится того, что адресат, которому он передает для критики написанный им диалог, сочтет, что автору строк «просто не хватает ума, чтобы произвести на свет хорошее сочинение» [2, 62.14]. Оценивая собственные письма, он называет их «продуктом необученной руки и еще более необученного языка» [2, 41.37-38]. Мануил II готов «доносить на себя» своему учителю Димитрию Кидонису, рассказывая, что не передал собственное сочинение на суд того, кто в нем «посеял семена литературы, поливал их и возделывал» [2, 11.27-28]. Он даже призывает учителя, если его «работа годится в огонь», сделать это [2, 11.26]. Хотя этот призыв предать огню литературное творение, заслужившее недостойную оценку, является, скорее, литературным штампом, нежели шутивным оборотом, тем не менее, повторенный неоднократно в определенном контексте он звучит иронично. Способность посмеяться над собой, готовность иронизировать по поводу собственных недостатков, показывают, что автор не лишен некоторой доли самокритичности. Однако самоирония Мануила II касалась преимущественно его литературных способностей. И это можно объяснить тем, что письмо было способом демонстрации риторической и образовательной подготовки автора, в которой, надо отметить, Мануил II весьма преуспел. Такое литературное «самоуничижение» может быть продиктовано также желанием автора получить опровержение со стороны адресата, которое, безусловно, не заставляло себя ждать. Однако важно, что Мануил II допускает возможность иронии в свой адрес и предполагает, что его самокритика вызовет улыбку у корреспондента.

Мануил II позволяет себе иронизировать по поводу адресата. Объектом насмешки могли быть стиль или риторические приемы, употребленные корреспондентом в переписке. процитировав неудачный, с его точки зрения, пассаж из письма друга: «я сижу здесь, излучая спокойствие, и прыгаю, напустив скорбный вид», Мануил просит пояснить, что означают эти прыжки в тот момент, когда автор сидит на месте [2, 9.22]. Доводя до абсурда свои рассуждения по поводу этого риторического оборота, Мануил в игривой форме задает вопрос: «но как, сидя на месте, ты совершал прыжки и на какие расстояния, вот что я хотел бы узнать» [2, 9.24-25]. Такая дружеская ирония, переходящая в добрую шутку, была присуща эпистолярному общению Мануила.

Однако ирония не всегда столь безобидна и добродушна. Зачастую в ироничных замечаниях преобладает язвительный тон, особенно когда речь в письмах заходит о третьих лицах. В ироничной форме, лишенной даже тени улыбки, Мануил II изображает свое окружение. Критикуя придворных, лесть которых не знала меры, он замечает *cum grano salis*, что «их голос слаще меда, потому что они постоянно балуют себя им или злоупотребляют фигами Лесбоса» [2, 5.18-20]. Изобличая лицемерие и фальшь своей свиты, Мануил передает их слова с едким комментарием. «Мы обижены, – закричали бы они, – император несправедлив к нам, нам не придают значения, он очень быстро позабыл нас, хотя давал понять, что считает нас добрыми друзьями, когда был с нами дома» [2, 17.12-14]. Цитируя в язвительной форме оскорбленные голоса приближенных, он стремится изобличить истинную цену этой ложной дружбы. «Такое зло часто среди нас ныне и приносит величайший вред», – философски замечает Мануил [2, 17.15].

С большей долей сарказма Мануил говорит о недругах империи. В сатирической форме Мануил изображает жителей Малой Азии, сравнивая их с собаками, которые, «когда испуганы, поворачиваются и убегают, но продолжают лаять, в попытке напугать преследователей» [2, 18.17-19]. В одном из писем содержатся резкие высказывания о турецком султани Баязиде I, в ставке которого император находился в период малоазийского похода. Как пир во время чумы, воспринимает Мануил приглашение на обед, на котором Баязид «снова хочет выпить несколько бокалов перед обедом и заставить нас наполнить себя вином из его обширной коллекции золотых чаш и кубков» [2, 16.99-101]. Но, как замечает Мануил, «даже если бы я был в хорошем расположении духа, они наполнили бы меня печалью» [2, 16.102-103]. Султан, вероятно, считал, что этим приглашением оказывает ему высокую честь, что не могло укрыться от ироничного глаза Мануила. Конечно, сарказм в данном случае определен горечью положения, в котором оказался император. Однако чувство юмора не изменяет автору даже в столь критической ситуации.

В общении же с друзьями хлесткая ирония уступает место добродушной шутке. Мануил II считает вполне уместным шуточный тон в общении друзей и близких. Однако автор никогда не позволяет себе перейти грань, за которой шутка могла бы быть воспринята адресатом как дерзость или оскорбление. Вплетая в повествование забавный рассказ или комичные рассуждения, автор стремится позабавить или вызвать улыбку корреспондента. Отвечая учителю на его настоячивые требования писать как можно чаще, невзирая на обстоятельства, Мануил II, шутя, замечает: «если бы ты когда-нибудь решил жениться, ты бы принудил своего будущего тестя искать петлю, так как он пообещал бы тебе больше, чем имел, даже если бы он отдал тебе все, чем владел» [2, 36.9-11]. Эта шутка, имеющая выраженный бытовой оттенок, намекает на коллизии в семейных отношениях, которые часто становились предметом насмешки в народной среде. И все же шутка чаще носит более утонченную форму. Признавая, что не может принять участие в литературном состязании из-за нехватки времени, Мануил не жалеет об этом, как и о том, «что не может летать» [2, 39.9-10].

Шутка у Мануила II порой является античной парафразой. Древний образ или герой – удобный способ спрятать шутку за одежды классического покроя, следуя законам эпистолярного жанра. Наверное, в этом приеме ярче всего проявляются рафинированность, интеллектуальность эпистолярного смеха, так как оценить такую шутку способен лишь посвященный в тонкости стиля читатель. Мануил использует античные пословицы, которые насыщены ироничным смыслом: «искать волчьих крылья», «найти белого эфиопа» [2, 18.22-23]. Говоря о доле императора, Мануил сравнивает свое положение с Александром Македонским, который, делая добро, слышал о себе, что он болен [2, 59.2-3]. В описание своей занятости Мануил вводит для большей иллюстративности образ героя древней притчи старика Антиоха, «так любившего поспать, что падал спящим с лошади, и все отдававшего за сон» [2, 44.13-14]. Этот любитель сна напоминает автору его самого, лишенного во дворце покоя. Максимальный эффект достигается подробным изображением комичности поступков Антиоха: «когда суматоха у дверей отвлекает его от храпа, он проклинает шумящих, натягивает пастушескую шапку, вставляет пальцы в уши, пристраивает голову в самый дальний угол и только тогда получает какое-то подобие отдыха» [2, 44.15-19].

Даже целое письмо автор мог превратить в шутку. Посвятить все повествование описанию анекдотичной ситуации, обернуть само послание в шутку для поздневизантийских эпистолографов было распространенной практикой. Ярким примером может служить эпистола Мануила, адресованная Димитрию Кидонису, которая является образцом шуточного послания. Поводом к шутке послужили жалобы Кидониса на собственного коня, который, будучи жив, вызывал раздражение своим норовом. Однако после смерти животного изменилось и отношение его владельца, который горько сожалел об утрате. Как замечает Мануил II,

«когда он был жив, он вызывал у тебя скорбь, но, умерев, вызвал радость большую, чем когда был жив» [2, 26.4]. Мануил иронично подмечает, что только после смерти коня Кидонис смог заметить его благородство. Мануил II отправляет учителю в качестве подарка молодого скакуна, надеясь, что этого коня оценят еще при жизни. Свой дар Мануил сопровождает шутивным комментарием, что «из мертвого коня вышел живой в духе платоновского воскрешения» [2, 26.8-9].

Как забавно бы это ни звучало, но конь стал причиной создания еще одной эпистолярной шутки, адресованной на этот раз Димитрию Хрисолоре [2, 43]. Узнав о покупке другого коня, Мануил рассуждает, зачем это животное понадобилось его корреспонденту, ведь от него нет никакого прока в литературных занятиях: «если ты продолжаешь заниматься с книгами, ... то как конь тебе поможет?» [2, 43.18-21]. По замечанию Мануила, конь больше подходит воину, нежели философу. А если его друг решил попроситься с науками и овладеть искусством верховой езды, которым прежде пренебрегал, то Мануил выражает свою готовность подарить ему второго коня. Юмор, с которым написано все письмо, должен был развеселить получателя, что особо подчеркивает сам автор строк. Посвященные «вещам по сути неизменным» [2, 50.6], письма-шутки обрамлялись риторическими оборотами, насыщались иронией, превращаясь в литературное творение.

Обмен шутивными посланиями был своего рода формой интеллектуальной игры. Подобное письмо-шутку адресовал императору Димитрий Хрисолора, в котором «не без обычной игривости» [2, 50.5] описал свои страдания от укуса комара: «укус жалкого маленького насекомого стал темой твоих посланий скорее в шутку, нежели в гнев» [2, 50.7-8]. По мнению Мануила, «краткий миг страдания вылился в превосходное произведение» [2, 50.9-10]. Аналогичный образец послания, полного искрометного юмора, можно встретить и в корреспонденции другого современника Мануила Исидора Киевского. С напускной обидой в одном из писем Исидор жалуется на зайца, который постоянно жевал в монастырском саду овощами, за что предстал перед судом. В шутивной форме автор описывает обвинения и решение суда, на который привлекли животное [4, S. 141-142]. С истинно возрожденческим воодушевлением поздневизантийский автор превращал описание незначительного повседневного события в маленький литературный шедевр. В духе европейских гуманистов византийские эпистографы с помощью шутки, юмора и языковой ловкости демонстрировали свою способность увидеть в обыденной жизни привлекательные стороны, и, кроме того, мастерски об этом рассказать.

Приведенные примеры шутивных пассажей, комичных историй, ироничных высказываний могут показаться современному исследователю немногими странными, более того, даже не смешными. В этом, вероятно, обнаруживается иное, по сравнению с современным, качество смеха византийцев.

В корреспонденции Мануила II Палеолога не встретишь злой шутки или грубой насмешки. Позитивность авторских эмоций ярче всего проявлялась в шуточных репликах, игривом тоне, дружеской иронии. Ни воспитание, ни законы жанра не позволяли автору «кричать» о своем чувстве юмора, предпочитая демонстрировать его в латентной форме. В письме среди риторической мишуры находилось место либо изящной шутке, либо тонкой иронии. Резкость выражений своих эмоций ограничивалась нормами той среды, к которой был причастен Мануил II Палеолог. Авторский смех звучал приглушенно, не нарушая общей тональности интеллектуального общения. Мануилу II как эпистологу была более близка сдержанная «улыбка чеширского кота», нежели безудержный смех раблезианских героев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каждан А.П.* Смеялись ли византийцы? (Homo Byzantinus ludens) // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. М., СПб., 2000.
2. *The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. Dennis. Washington, 1977.*
3. *Ljubarskij Ja.* The Byzantine Irony – the Case of Michael Psellos // Βυζαντιο κράτος και κοινωνία. Μνήμη Ν.Οικονομίδη. Αθήνα, 2003.
4. *Ziegler A.W.* Die restlichen vier unveröffentlichten Briefe Isidors von Kijev // OCP. 1952. Bd. 18.

Kushch T. V.

Irony and Joke in Byzantine Epistolography

Summary

The article is dedicated to the research of some aspects of the so-called «laughter problem» in Byzantine culture. The subject of this study is irony and joke which are traced in the letters of the late Byzantine emperor Manuel II Palaeologus (1391-1425). The origin of the author, the level of his education as well as circle of his personal contacts determined the nature of his joke and style of humorous communication with partners. Undoubtedly the emperor belonged to intellectuals and this fact indeed defined the moderate character of the emotional expressions and more delicate sense of humor.